

Пром Наталья Александровна

СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

В данной статье рассматриваются стилеобразующие характеристики речевого жанра "Спортивный репортаж", находящегося на пересечении дискурса СМИ и спортивного дискурса, а также структурно-композиционная схема репортажного описания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 96-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Схема 4. Красота и безобразия субъекта в немецком языке как внешняя и внутренняя стороны одного явления

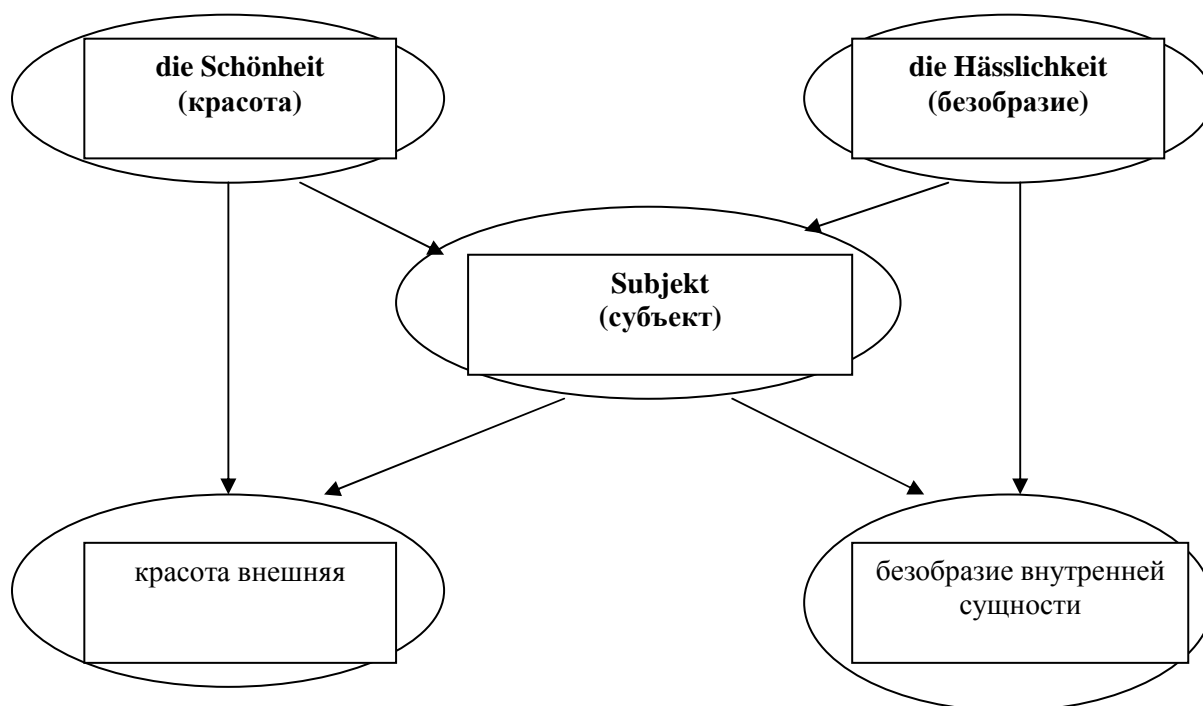

Схема показывает, что в понятийном поле «die Schönheit» отсутствует красота внутренней человеческой сущности в виде красивых мыслей и пристойного поведения, а подчеркивается в большей степени красота внешняя субъекта либо объекта («красота природы», «красота (общее)»), а микрополе «внутренняя красота человека» («красота голоса, пения») не выражает красивой внутренней сущности человека, что указывает на своеобразный менталитет немецкого народа.

Список использованной литературы

1. Duden C. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage von Günther Drosdowski. - Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1989. - Duden Band 7. - 844 S.

СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Пром Н. А.

Волгоградский государственный педагогический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Красавским Н. А. и к.ф.н., доц. Квартовкиной Ю. О.

В данной статье рассматриваются стилеобразующие характеристики речевого жанра «Спортивный репортаж», находящегося на пересечении дискурса СМИ и спортивного дискурса, а также структурно-композиционная схема репортажного описания.

Газетная публицистика как вид массовой коммуникации является сложным явлением. С одной стороны, ставится множество неоднородных задач, с другой стороны, ее экстралингвистическая основа обладает рядом особенностей. Речевые жанры данного функционального стиля, по мнению М. П. Брандес, представляют собой коммуникативную модель текста, включающую прагматическую функцию убеждения и конструктивное построение текста, определяющее общую синтаксическую схему его оформления [Брандес 1990: 152]. Разделяя эту точку зрения, мы берем за основу предложенную дефиницию газетных речевых жанров.

Рассматривая спортивный массмедиаальный дискурс, к жанрам которого, несомненно, относится спортивный репортаж, А. А. Трубоченинова выделяет газетный спортивный дискурс. Исследователь обращает внимание на развлекательную форму подачи информации о спортивных событиях - инфотеймент (information+entertainment=infotainment), что обусловлено потребностями современного общества и влиянием массовой культуры. Инфотеймент связан с акцентированием тех сторон спортивного события, которые являются наиболее привлекательными для читателей [Трубоченинова 2006: 7-8]. Современный газетный спортивный репортаж нацелен не только на информирование о соревновательных мероприятиях, но и их комментирование, анализ, что подразумевает реализацию точки зрения автора, его оценку спортивных событий, формирование мнения читателя и эмоциональное воздействие на аудиторию.

Сочетание информационной и воздействующей функций данного жанра обуславливает его языково-стилистические особенности. Для реализации чисто информационной функции используются нередко однотипные, регулярно воспроизводимые языковые стандарты (клишированные обороты), которым свойственны логичность, официальность, точность, что помогает пишущим оперативно передать новости, а читающим быстро и правильно их воспринимать. Реализация функций воздействия требует экспрессивных, образных, новых языковых средств.

Информация, размещенная в газете, в настоящее время редко является новостью. В этой связи исследователями отмечен тот факт, что текст периодической печати, являясь по сути источником познания, представляется в большей степени как средство коммуникации и убеждения аудитории, которое побуждает ее к определенному действию [Брандес 1990: 160]. С точки зрения коммуникативной интенции спортивный репортаж реализует информативную и воздействующую функции, которые во взаимодействии составляют языковую специфику газетно-публицистического стиля в сфере периодической печати. Опираясь на теорию Л. Е. Кройчика о системе природообразующих элементов журналистских жанров [Кройчик 2000], мы приводим основные стилеобразующие характеристики спортивного репортажа.

1. Последовательное воспроизведение спортивного события достигается через динамизм повествования, связанный с протяженностью действия во времени и пространстве, а также отражение события в том виде, в каком оно происходило на самом деле, так как рассматриваемый жанр не терпит реконструкции, ретроспекции, творческого вымысла.

2. В целях наглядности создается образная картина происходящего путем использования предметного описания деталей, подробностей ситуации, воспроизведения действий, кратких интервью с участниками мероприятия, размещения фотографий, фиксирующих по возможности самые яркие моменты. Невозможность отражения полного события в письменном тексте компенсируется яркостью языка при описании значимых деталей. Эффект присутствия и активная роль личности самого репортера являются основными способами достижения наглядности.

Последовательность описания с учетом специфического воспроизведения времени и пространства создает эффект присутствия репортера на месте события, который в данном случае является не имитационным приемом, а реальным доказательством того, что публицист описывает мероприятие, лично им наблюдаемое. Важным способом динамизации изложения является введение в репортаж элемента интервью с участниками соревнований, тренерами, компетентными наблюдателями по поводу текущего события в целом или отдельных его моментов, что усиливает эффект присутствия автора на месте действия. В радио- и телерепортаже эти средства используются как единственно возможные. В письменной речи необходимы, кроме прочего, языковые средства для имитации одновременности события и рассказа о нем, что выражается в употреблении «репортажного» времени: это настоящее время глагола в сочетании с перфектом (например, «я вижу, что спортсмен поднялся»), авторское «я» или «мы» в значении «я и мои спутники» и др. [Майданова, Дускаева 2003: 81]. Таким образом, авторское присутствие прослеживается на композиционном, морфологическом и лексико-синтаксическом уровнях текста. В тесной связи с этим выделяется активная роль личности самого репортера, позволяющая увидеть событие глазами рассказчика, побуждая аудиторию к самостоятельной работе воображения. Автор репортажа, как правило, не является действующим лицом соревнования, но он всегда активный наблюдатель и комментатор действия.

С учетом приведенной характеристики представляется необходимым подчеркнуть следующую особенность спортивного репортажа. При включении в текст спортивного репортажа кратких интервью с участниками спортивного мероприятия автору важно, с одной стороны, для передачи атмосферы оставить реплики без изменения, а с другой - соответствовать газетно-публицистическому стилю. Подвергая речь интервьюированного стилистической обработке и делая выбор в пользу достоверности, автор часто снижает газетный стиль до разговорного. В результате репортаж приобретает межстилевой характер. Рассматривая перспективы дальнейшего развития газетного репортажа в конце прошлого века, Н. Г. Бойкова предполагает «дальнейшее привлечение и освоение в рамках письменного кода неисчерпаемых ресурсов устной речи» [Бойкова 1987: 83], что совершенно очевидно в современной публицистике.

3. Дискретность (прерывистость) проявляется в связи с тем, что время в репортаже условно, поскольку не соответствует по продолжительности реальному времени, к примеру, описываемого матча, но оно всегда движется в одну сторону - от его начала к завершению. Поскольку в газетном репортаже, в отличие от комментирования в электронных СМИ, невозможна передача событий в реальном времени, соревнование приходится сжимать, отбирая эпизоды. В связи с этим, с одной стороны, возникают сложности монтажа, с другой стороны, за счет него можно добиться четких акцентов на важных моментах спортивного мероприятия, в особенности таких сложных, как протекающие во многих видах спорта Олимпийские игры.

4. Образная аналитичность становится неотъемлемой характеристикой репортажа, поскольку автор выступает как исследователь, который отвечает на вопрос, как происходило событие, и анализирует его результаты. С увеличением роли монтажа возрастает вероятность включения в текст подробного авторского комментария, в котором может содержаться информация о предыдущих соревнованиях, подготовке спортсменов, специфике мероприятия, в результате чего репортаж приобретает аналитические показатели.

5. Эмоционально окрашенный стиль повествования, достигающийся через использование автором различных стилистических средств, придает репортажу дополнительную убедительность и привлекает внимание читателей, что придает этому жанру актуальность в спортивно-ориентированной прессе.

Выработана устойчивая структурно-композиционная схема репортажного описания, в соответствии с которой вначале дается зарисовочная заставка (зачин). В спортивном репортаже может быть введена ассоциативная тема, развита идея, выраженная в заголовке, который Л. Г. Кайда рассматривает как самостоятельный структурный элемент репортажа [Кайда 1989: 118]. По мнению М. С. Черепанова, отраженные в тексте непосредственные наблюдения приобретают необходимую силу, когда они осмысливаются на основе предварительной работы [Черепанов 1971: 35]. Интервью, предваряющее спортивный репортаж, по мнению Л. Г. Кайды, усиливает интерес читателя, расширяет для него круг очевидцев событий, позволяет увидеть в нем перспективный поиск более эффективных форм связи спортивного репортажа с другими жанрами [Кайда 1989: 115].

Основная роль заставки - ввести читателя в курс события и привлечь внимание к материалу, после чего следует собственно репортажное описание. В этой части могут присутствовать различные отступления, способствующие созданию эффекта присутствия: ремарки, реплики, характеристики и т.д. [Ким 2004: 89]. Стилистическая оснащенность репортажного описания предполагает наличие деталей, зарисовок, введение ассоциативных тем, философских размышлений, элементов анализа ситуации, психологической сложности, которые придают подвижность жанру спортивного репортажа, приближая его к художественной публицистике. В то же время симбиоз событийной и социально-оценочной информации обуславливают информационную насыщенность в композиции текстов [Кайда 1989: 119].

В концовке, в последнем звене в развитии темы репортажа, автор должен суммировать или обобщить свои впечатления, оценки и мнения [Ким 2004: 301]. Она может усиливать заголовок, составляя с ним композиционное кольцо, либо содержать публицистический вывод всего текста [Кайда 1989: 122]. Целенаправленное использование различных элементов текста помогает повысить действенность репортажа, приблизить его к аналитическим жанрам журналистики.

При характеристике спортивного репортажа в предлагаемой статье мы учли и описали характеристики, свойственные жанрам газетно-публицистического стиля, а именно: прагматику коммуникативного текста, определяющую выбор языковых средств, стилеобразующие характеристики и структурно-композиционную схему репортажного описания с учетом внедрения спортивного дискурса.

Список использованной литературы

1. **Бойкова Н. Г.** Репортаж // Современная газетная публицистика: Проблемы стиля. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.
2. **Брандес М. П.** Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков): Учебник. - М.: Высшая школа, 1990. - 2-е изд., испр. и доп.
3. **Валгина Н. С.** Теория текста. - М.: Логос, 2004.
4. **Кайда Л. Г.** Стилистические ресурсы современного спортивного репортажа // Спорт в зеркале журналистики: о мастерстве спортивного журналиста / Сост. Г. Я. Солганик. - М.: Мысль, 1989.
5. **Ким М. Н.** Жанры современной журналистики. - СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2004.
6. **Кройчик Л. Е.** Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. - СПб., 2000.
7. **Майданова Л. М., Дускаева Л. Р.** Жанры публицистического стиля. Репортаж // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2003.
8. **Тертычный А. А.** Жанры периодической печати. - М.: Аспект-Пресс, 2006.
9. **Трубченинова А. А.** Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 2006.
10. **Черепанов М. С.** Репортаж // Газетные жанры. - М.: Политиздат, 1971.
11. **Шибалева Л. В.** Жанры в теории и практике журналистике. - М., 2000.
12. **Шмелева Т. В.** Модель речевого жанра // Жанры речи. - Саратов, 1997.

БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ КАТЕГОРИИ ДЕВИАЦИИ

Пташкин А. С.

Томский государственный педагогический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Петроченко Л. А. и к.ф.н., доц. Глухий Я. А.

Категория девиации представлена ментальными единицами, актуализирующимися контекстуально обусловленными значениями определенных лексических единиц, центральное место среди которых занимает лексема, репрезентирующая концепт «грех», входящий в понятийное пространство девиации.

Категоризация - мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека [НФС 2003: 480; Кубрякова 2004: 93].

Философская традиция представления категорий трактует последние как «наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания» [БЭС 1998: 509], сформировавшиеся в результате обобщения исторического развития познания и практики. Объектом же лингвистических исследований являются в первую очередь *понятийные категории* [Арская 2002: 16]. *Понятийные категории* являются непосредственными выразителями норм сознания в

самом языковом строе, тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления [Мещанинов 1967: 8-9].

Исследователи отмечают, что понятийные категории могут быть общими или более частными [Бондарко 2002]. При этом выражаются категории как грамматически, так и лексически [Кубрякова 2004: 309-310]. Актуальность данного исследования заключается в исследовании языкового выражения понятий нормы и девиации.

Проблематика определения *девиации* связана с относительностью (амбивалентностью) понятия нормы в социуме. «Нормы - это ожидания, сформированные членами определенной группы или сообщества, которые в определенной степени определяют поведение отдельной личности. Нормы реализуются с помощью усвоения стандарта групповых ожиданий и поддерживаются реакцией, которая может быть отрицательной или положительной. Нормы находятся не на уровне отдельной личности, а являются регулятором большинства представителей определенного социума» [CDS 2006: 418].

Категория девиации, как и большинство других категорий, существует в виде определенной иерархической системы, в основе которой лежат гиперо-гипонимические отношения. В таких системах, как правило, различают высший уровень категоризации, средний, или *базовый*, и низший. Особую психологическую значимость имеет *базовый* уровень категоризации, поскольку репрезентирующие его языковые единицы образуют основу общеупотребительного словарного запаса языка, используются в нейтральных речевых контекстах и т.д.

Отличительной особенностью *девиации* является ее проявленность во многих сферах человеческой деятельности. Вопрос о компонентах девиации считается дискуссионным. Анализ специальной литературы позволил определить круг общих структурных элементов *базового* уровня девиации. По нашему мнению, выявленные общие компоненты девиации позволяют представить исследуемый феномен как совокупность трех ее составляющих: 1) технико-биологической [Merton 1992], 2) нормативно-правовой [Гишинский 2004], 3) морально-этической [Козина 2003]. В центре внимания данного исследования находится религиозный компонент морально-этической составляющей. Религиозный компонент *девиации* - это грех, отступление от нравственного закона, отвержение общечеловеческих ценностей. Грех представляется как главный элемент религиозного компонента *девиации*, поскольку является выразителем *девиации* по причине «нарушения норм бытия» [ПЭ 2006: 330]. Грех - сознательный и свободный выбор, противоречащий воле Бога и установленной Им иерархии ценностей, нарушение нравственного закона [КЭ 2002: 1416]. Именно поэтому в данном исследовании мы сконцентрируем внимание на анализе содержания греха как религиозного компонента девиации и средств его языкового выражения.

Изучение понятийной сферы, выраженной русским словом *грех* и английским словом *sin*, показывает, что семантическая структура слова *грех* изначально содержала денотативные семы «действие», «нарушение» и коннотативную оценочную сему «плохо». Потенциал, заложенный в слове, позволил ему развить также религиозно-этическую семантику и стать одним из центральных терминов христианства. В морально-этическом сознании сложилось убеждение в том, что греховное деяние причиняет вред самому грешащему, ибо разрушает его душу. Существуют огромные, ничем не искупаемые грехи, которые называются *смертными* (*смертный грех, семь смертных грехов*) [Козина 2007: 294; Силецкий 1991: 130]. Такие девиации, как *смертные грехи* (deadly, or mortal, sins), *семь смертных грехов* (seven deadly sins), находят свое выражение и в английском языке:

The seven deadly sins draw not only on the theology of *sin*, but upon the ancient magic number of seven, which is found in a host of pre-Christian formulations (Dalzell. The Slang of Sin: 217).

В данном примере отмечается, что понятие *семь смертных грехов* связано с развитием религиозной мысли: магическое число семь упоминается еще в дохристианских источниках.

Традиционный список грехов, утвержденный католической церковью в 1215 г., включает, учитывая перевод с латинского, следующие смертные грехи: Pride, Lust, Avarice, Gluttony, Envy, Wrath and Sloth (*The list is not Biblical, but derived from patristic literature*) [Силецкий 1991: 130; Dalzell 1998: 217].

Такое же разнообразие обозначений смертных грехов встречается и в русском языке: лень (безделье, уныние, апатия), чревоугодие (обжорство), гнев (злость, месть, ярость), алчность (жадность, скупость), зависть (ревность), гордыня (высокомерие, гордость), похоть (сладострастие, блуд, распутство). Данные лексические единицы, хотя и определяют содержательную сторону ментальной единицы *грех*, однако объективируют признаки третьего, низшего уровня категоризации.

Основу языкового выражения религиозного компонента базового уровня девиации составляют, в первую очередь, лексемы, репрезентирующие концепт *грех*. Примарное слово «грех» выступает в качестве идентификатора всех производных слов, т.е. толкование каждого из них, независимо от степени деривации, предполагает обращение к примарному слову, а не к своему непосредственному производящему [Карасик 2007: 295]. С точки зрения частотности употребления, лексемы, выражающие ментальную единицу *грех*, неравнозначны. Наиболее употребительными в английском языке являются лексемы *sin* (n), *sinful* (a), *sinning* (n).

Анализ семантики показывает, что лексема *sin* является многозначной. В целом, можно выделить три значения: 1) грех против Бога; 2) грех против ближнего; 3) грех против самого себя. При этом не исключено пересечение значений названных групп. Первое значение представляется обобщающим известные проявления греха, второе и третье значения, более конкретные, имеют исключительно контекстуальный характер, напр.:

Archbishop Hunthausen gained international prominence earlier this year when the Vatican ordered that he surrenders authority over five key areas of church administration... A subsequent statement issued by the Vatican said Archbishop Hunthausen, a leading critic of the nuclear arms race, had been remiss in matters of church administration, including ministry to homosexuals and former priests, and the dispensation of general absolution for sin to large groups. He vigorously denied any deviation from church teachings or disloyalty to the Holy See (Ap. Archbishop Undergoes Operation for Cancer).

Архиепископ Хунтхаузен приобрел международную известность, когда Ватикан отстранил его от участия в делах. В последующем заявлении Ватикана, говорилось, что архиепископ Хунтхаузен не соблюдал церковные требования, включая содействие гомосексуалистам и бывшим священникам и раздачу публично-отпущения грехов большим группам людей. Однако он решительно отрицал любую девиацию со своей стороны от церковного учения или нелояльность Священному престолу. Лексема deviation актуализирует значение «нарушение установок в области морали, принятых церковью». Семантика лексемы sin указывает на форму морально-этической девиации - грех (значение 1).

There is, he was saying, only one true faith. It is not possible to be pro-life except on Mr. Johnston's terms and those of his organization. No dissent, no deviation, no disagreement can be tolerated.

Mr. Johnston's censure of a Governor, who followed his conscience despite his preference, and in the teeth of an opposition at least as powerful as those who supported the veto, emphasizes the intolerance that has become the central weakness of the pro-life movement. That intolerance derives from the movement's insistence that abortion is a moral issue upon which all but one position will earn the stigma of mortal sin (Wicker T. A Choice in Idaho: 1).

Отношение представителей общественных организаций к абортам всегда было отрицательным. В некоторых случаях взгляды таких правозащитных движений и власти на аборт совпадают и тогда появляются законопроекты, запрещающие аборты. Так произошло в США, в штате Айдахо. Значения лексем deviation, sin в данном случае «убийство младенцев во чреве (аборт)» (значение 2).

...when it suggested that incest can be mental. That when a father tries to protect his daughter from the claws of teenagers in the name of unfounded love is considered a sort of mental incest! ...This incident shows the moral deviation of the European culture and of many Moslems who live in Europe and even in many Moslem countries, especially in the Middle East...<...> chastity/virginity is a virtue approved by God. Fornication, adultery, homosexuality, incest and bestiality are all condemned in the Scriptures. Why? Because God gave the pleasure and intimacy of sexual encounters to husband and wife only. Any other combination is sinful and needs to not be done in the first place; or repented of after the fact. Sexual sins are so serious that 1 Corinthians 6:9 says that people who commit them (and do not truly repent and stop the sinning) will not be allowed into His kingdom (Warner. Pure Tyranny: 2).

В этом примере рассматривается проблема инцеста и других проявлений греховности, случаи которых встречаются в разных культурах. Во всех без исключения религиях инцест, а также такие нарушения морали, как блуд, гомосексуализм, скотоложство, осуждаются. В православии и в христианстве в целом данные сексуальные отклонения признаются «грехом». Значением лексемы deviation является «нарушение норм морали», а лексемы sinful, sin, sinning реализуют значение «принятие блудных помыслов» (значение 3).

Таким образом, в группу значений лексемы грех в рамках категории девиации нами были включены три значения, которые соотносятся со вторым, базовым уровнем категории девиации.

Базовый уровень данной категории можно считать совокупностью ментальных единиц, выступающих как «набор элементарных признаков» согласно модели сравнения признаков [Smith 1974]. Среди признаков есть более существенные - «определенные» - и второстепенные [Величковский 2006: 32]. При этом концепт грех можно представить как «обобщенный образ», обладающий существенным «базовым статусом», используя терминологию Э. Рош [Rosch 1978: 47].

В заключение отметим, что категории не просто организованы в иерархии - от более общих к более частным, - но организованы таким образом, что когнитивно базовый уровень сосредоточен в «середине иерархии» от «общего к частному». Обобщение идет «вверх» от базового уровня, а спецификация - «вниз» [Lakoff 1987: 151]. Особенности этой структуры можно выявить, анализируя варианты значений лексем sin, sinful и т.д. Они являются средством доступа к содержанию ментальных единиц базового уровня понятийного пространства девиации, а также позволяют конкретизировать семантику лексических единиц, характеризующих морально-этическую составляющую девиации.

Список использованной литературы

1. Арская М. А. Семантическая категория эстетической оценки и ее онтология в современном немецком языке: Дисс. ... на соискание учен. степени кандидата филол. наук. - М., 2002. - 220 с.
2. Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сборник статей. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - С. 15-21.
3. БЭС - Большой энциклопедический словарь. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. - 2-е изд., перераб. и доп. - 1456 с.
4. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. - М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. - Т. 2. - 432 с.
5. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. - СПб.: Юридический центр-пресс, 2004. - 320 с.
6. Карасик В. И. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. - М.: Гнозис, 2007. - 512 с.
7. КЭ - Католическая энциклопедия. - М.: Издательство Францисканцев, 2002. - 1909 с.

8. **Козина Н. О.** Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Иваново, 2003. - 20 с.
9. **Кубрякова В. С.** Язык и знание: на пути получения знаний о языке // Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
10. **Мещанинов И. И.** Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление / Под ред. Ф. П. Филина. - М.: Наука, 1967. - С. 7-16.
11. **НФС 2003 - Новейший философский словарь.** - Мн.: Книжный дом, 2003. - 3-е изд., исправ. - 1289 с.
12. **ПЭ - Православная энциклопедия.** - М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2006. - Т. 12. - 752 с.
13. **Силецкий В. И.** Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. - М., 1991. - С. 130-137.
14. **CDS - The Cambridge Dictionary of Sociology / Bryan S. Turner.** - L.: Oxford University Press, 2006. - 688 p.
15. **Dalzell T.** The Slang of Sin. - Springfield: Mass., 1998. - 385 p.
16. **Lakoff G.** Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. - The University of Chicago Press, 1987 - 508 p.
17. **Merton R. K.** Social Structure and Anomie // American Sociological Review. - 1992. - Pp. 672-682.
18. **Rosch E. H.** Principles of Categorization // E. Rosch and B. B. Loyd (Eds.). Cognition and Categorization. - NJ: Erlbaum, 1978. - Pp. 27-48.
19. **Smith E. E., Shoben E. J., Rips L. J.** Structure and Process in Semantic Memory // Psychological Review. - 1974. - 681 p.
20. **WDCLA - The Wordsworth Dictionary of Classical & Literary Allusion / Comp. by A. H. Lass, D. Kiremidjian, R. M. Goldstein.** - Ware, 1994. - 240 p.

**ОБОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА:
ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА С. П. ШЕВЫРЕВА**

*Ратников К. В.
Челябинский государственный университет*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Загидуллиной М. В. и к.ф.н., доц. Фатеевой И. А.

В статье проанализирован концептуальный подход выдающегося отечественного филолога, литературного критика и педагога Степана Петровича Шевырева (1806 - 1864) к проблеме развития и укрепления национального самосознания, основывающийся на духовно-ментальном потенциале русского языка как ключевом факторе культурной идентификации народа.

Отечественная филологическая наука XIX века в лице своих крупнейших представителей, не ограничиваясь строгими рамками академизма, активно стремилась затрагивать важнейшие вопросы мировоззренческого плана, связанные с попытками выработки национальной идеи в сфере культурного творчества, опирающегося в первую очередь на богатый языковой материал. Поэтому отнюдь не случайным обстоятельством, а глубоко закономерным явлением стало обращение одного из лучших филологов-славистов середины XIX века, профессора русской литературы Московского университета, академика С. П. Шевырева к изучению влияния языка на формирование духовного облика русского народа и развитие его самобытной культуры.

Шевырев обоснованно считал, что главным фактором, определившим особый склад русской ментальности и придающим черты неповторимого своеобразия носителям национальной культуры, является именно язык, поскольку «это наша коренная собственность, нераздельная с нами; это наш существенный признак, почему мы носим имя русских; это выражение всей жизни нашей; это неосязаемый образ всего русского человека» [Шевырев 1836: 38].

Исходя из представления о ключевой роли языка в становлении духовно-ментального уклада национальной жизни, Шевырев считал своим научным долгом заниматься не только историческими аспектами лингвистических исследований, но и уделять самое пристальное внимание современным процессам, происходившим в отечественном языке, давая подробное объяснение намечавшимся негативным тенденциям. Критическому рассмотрению «состояния русского языка и слога» Шевырев посвятил специальную статью, четко поставив вопросы, требовавшие широкого общественного обсуждения: «В каком состоянии находится теперь русский язык? Что обещает он в будущем своем развитии? Чего недостает ему в настоящем? Подобные задачи, конечно, любопытны для всякого, кто не равнодушен к образованию своего Отечества» [Шевырев 1842а: 154-155].

Наибольшую тревогу вызывало у Шевырева очевидное засилье иностранных языков (прежде всего французского) во всех кругах образованного общества, следствием чего становилось вытеснение русского языка из культурного обихода. Подобное положение дел вело к тому, что разрыв между образованным обществом, призванным обеспечивать народное просвещение, и самим народом неуклонно усиливался из-за резкого языкового барьера. Всё это, по мнению Шевырева, в конечном счете замедляло и затрудняло процесс совместного формирования общенациональной культурной идеи: «Мысль еще не принадлежит нам до тех пор, пока она не сказалась в родном нашем слове: облеченная в язык иноземный, она может принадлежать только частным лицам, но не перейдет еще в дух нации: чтобы быть в народе, она должна воплотиться в языке его» [Шевырев 1842а: 191].